

КАК и ПОЧЕМУ родился Теракил

Вот она, Древняя Греция. Цветущие долины, оливковые рощи, города, море, жаркое солнце над головой и, конечно, горы.

Олимп — самая высокая гора Древней Греции, самая главная. На её вершине живут олимпийские боги. Они всемогущи, смотрят сверху на греков и чуть что — сразу наказывают их, или, наоборот, всячески помогают.

А вот главный олимпийский бог, Зевс. Он самый сильный, самый могущественный. Запросто может метнуть смертоносную молнию в кого угодно, даже в какого-нибудь бога. Поэтому все люди боятся его и уважают. А боги слушаются. Вообще-то богам хорошо живётся

на Олимпе. Целыми днями они отдыхают, пируют, иногда на Землю посматривают: всё ли там в порядке и не нужно ли вмешаться. Питаются боги фруктами, пьют нектар, никогда не болеют и даже не умирают.

Но взгляните: Зевс грустит, тяжело вздыхает и чешет голову. А всё потому, что рассказала ему пифия-прорицательница страшную тайну. Оказывается, родила Земля-Гея чудовищных детей — гигантов.

— То-то я замечаю, — хлопнул себя по лбу великий Зевс, — в последнее время происходят какие-то землетрясения.

— Это маленькие гиганты в земле копошатся. Пройдёт сорок лет, и маленькие гиганты вырастут, станут огромными гигантами, вылезут из земли и свергнут богов с Олимпа.

— А где же мы тогда будем жить, чем питаться? — спрашивает опечаленный Зевс.

— Эти гиганты, — отвечает пифия, — заставят людей вырыть огромную, глубокую пещеру, затолкают в неё всех бессмертных олимпийских богов и закроют вход гигантскими глыбами. Там вы и будете жить. А питаться — жуками, червяками, личинками.

— Я этих жуков терпеть не могу, — вскричал великий Зевс, — а от червяков меня и подавно тошнит. Да и что это за жизнь без нашего синего неба, без нашего яркого солнца?! Нет уж, скажи мне, милая пифия, как нам избежать этой страшной судьбы и победить ужасных гигантов. Неужели никак невозможно?

Замолчала пифия, посмотрела в будущее. И говорит:

— Есть один способ. Но он очень трудный.

— Не боюсь я никаких трудностей! — закричал Зевс. — Ради нашей свободы и прекрасной жизни на Олимпе сделаю всё, что в моих силах.

Строго посмотрела на него пифия.

— Ну, тогда слушай! — говорит. — Вы, бессмертные боги, не можете с гигантами справиться, потому что их мать, Гея, дала им секретное средство. Намазались они и стали неуязвимыми для вашего, божественного, оружия. Только смертный человек может победить гигантов. Но человек этот не какой-нибудь пятый-десятый, а один-единственный. Если точнее, то твой собственный сын, который ещё не родился. Но должен родиться как можно скорей.

— Так это я быстро! — обрадовался Зевс. — Сейчас только Геру, жену мою, позову.

— Э нет, — покачала головой старая пифия, — это было бы слишком просто. Ведь если Гера тебе родит сына, то он будет бессмертным богом, а не смертным человеком.

— Верно! — почесал затылок Зевс-Громовержец. — Об этом я не подумал. Кто же мне этого сына родит?

— Одна земная женщина. Придётся тебе стать её мужем на короткое время.

— Легко сказать, — нахмурился главный олимпиец. — Ты же знаешь мою Геру. Она такая ревнивая, если узнает, что я на другой женщине женился, устроит мне настоящую войну, да и сын мой от неё натерпится...

Покачала головой пифия. Посмотрела в будущее и говорит:

— Верно, тяжело придётся твоему сыну, и ещё неизвестно, выдержит ли он все испытания.

— Это мой-то не выдержит? — обиделся Зевс.

— Уж больно эти испытания будут тяжёлые, — вздохнула пифия. — Ведь он должен только хорошие и мужественные поступки совершать. А если совершит хоть один подлый, нехороший поступок, то не сгодится уже для битвы с гигантами...

— Ну ладно, ты можешь сомневаться, — ударил себя в грудь Зевс, — а я в своём сыне уверен. Только скажи, на какой женщине мне жениться.

— То-то и оно, ты сам должен её найти. А я не имею права тебе подсказывать. Скажу только, что она из рода Персеидов, имя её начинается на букву «А». Есть у неё муж, на войну идти собрался. Имя его тоже на букву «А» начинается. И ещё — женщина эта очень красивая.

Так сказала пифия и ушла в дальние дали. А Зевс полетел искать свою смертную жену из рода Персеидов.

В каждый дом заглядывал, красивых женщин высматривал, а потом подслушивал, не назовёт ли кто их именем на букву «А». Но никто их так не называл. То Филоменой назовут, то Поликсеной. То Электрой или Ниобеей.

Целый день искал Зевс подходящую жену, устал уже, отчаялся и тут увидел около одного богатого дворца очень красивую женщину. Она как раз провожала своего мужа на войну. И так Зевсу эта прекрасная незнакомка понравилась, что он, дождавшись, когда муж уйдёт сражаться, тут же сам в этого мужа превратился и пришёл к его жене.

— Как ты быстро вернулся! — удивилась прекрасная смертная женщина.

— А чего тянуть-то? Пришёл, увидел, победил! — сказал Зевс и обнял её.

Только одну ночь побыл Зевс мужем красавицы, а потом растворился в воздухе. И как только он растворился, появился настоящий муж. И говорит:

— Дорогая Алкмена, я вернулся.

А жена ему:

— Дорогой Амфитрион, ты ведь ещё вчера вернулся!

Услышал невидимый Зевс эти слова и страшно обрадовался. «Ай да я, — думает, — ай да молодец! На той самой женился, на которой и нужно было! Сама Алкмена, муж — Амфитрион. Оба на букву „А“».

Через девять месяцев родились у Алкмены два мальчика-близнеца.

Один, Ификл, был сыном Амфитриона. А другой — сыном Зевса. Сначала его, по ошибке, назвали Алкидом, но потом стали звать как положено, ГЕРАКЛОМ.

Вот так родился величайший герой Эллады, о жизни и подвигах которого мы и расскажем.

Жена Зевса, Гера, конечно, узнала, кто такой Геракл и чей он сын. Она была очень проницательная. И ещё ревнивая. Уже в день рождения Геракла она начала ему вредить. Зевс ждал рождения своего сына и заранее объявил на Олимпе, что тот мальчик, что родится сегодня в роду персеидов первым, будет самым главным царём в Древней Греции.

— Да ты только языком болтаешь! — заметила как будто невзначай Гера.

— Это кто, я болтаю? — возмутился Зевс. — Клянись нерушимой клятвой богов, что так и будет.

Зевс был уверен, что первым родится его сын, но не тут-то было. Быстренько Гера покинула Олимп и понеслась в Аргос. Там как раз ждала ребёнка жена

персеида Сфенела. Но тот должен был родиться через месяц. Могущественная Гера ускорила роды, и родился на свет слабый, недоношенный Эврисфей. А Гера помчалась обратно на Олимп и закричала:

— Сегодня первым в роду персеидов родился Эврисфей! Он будет самым главным царём в Греции.

Тут только понял Зевс всё коварство Геры, но было уже поздно. Ведь он дал нерушимую клятву богов. Значит, не суждено Гераклу стать царём. Жаль. Но, может быть, это и к лучшему? Поглядим, посмотрим...

Что же касается жены Зевса, Геры, то она не успокоилась и решила во что бы то ни стало погубить маленького ребёнка, пока он ещё не превратился в могучего богатыря. Гера подслала к нему двух огромных змей, отдав им приказ задушить Геракла.

Вот лежат в колыбели два маленьких мальчика и сладко спят. А две змеи всё ближе, ближе подползают. И это не простые змеи, а огромные удавы.

Один длиной 8 метров, другой — 12! Вот заползли они в колыбель и задумались. Гера им приказала одного задушить, а мальчиков двое. Кого душить-то?

Тут же получают они телепатический приказ Геры: «Душите обоих!»

И ползут удавы, каждый к своему мальчику. Большой — к Гераклу, а тот, что поменьше, — к Ификлу. Подползают...

Обвивают младенцев смертоносными кольцами и начинают сжимать объятия. Сжимают, сжимают...

У ревливой Геры сердце от радости быстрее забилось: скоро погибнет ненавистный ей сын Зевса и смертной женщины. Вот-вот задохнётся. Вот-вот.

Но вдруг просыпается маленький Ификл. Увидел удава, испугался, описался. Мокро стало в колыбели, неудобно маленькому Гераклу спать. И он тоже просыпается. Видит удава. Но даже и не думает пугаться. Наоборот, хватается этого удава за шею правой рукой, левой рукой хватается второго удава и быстренько душит обоих.

Прибегают Амфитрион с Алкменой:

— Что за шум? — Смотрят, а в маленьких ручонках Геракла обмякли две огромные змеи.

— Представляю себе, — говорит Амфитрион, — каким могучим богатырём станет Геракл, когда вырастет, если уже сейчас, в младенческом возрасте, он легко справился с двумя колоссальными удавами.

— Да, — соглашается Алкмена, — Геракл — необыкновенный ребёнок. Он станет великим героем и прославит наши имена.

А Гера тем временем рвёт на себе волосы, стучит зубами и сверкает глазами от злости и досады: не удалось ей погубить Геракла. Но она не успокоится! Она отомстит за свой позор. Не сейчас, так потом, когда Геракл вырастет...

Если бы Гера знала, что Геракл рождён, чтобы спасти всех богов Олимпа и жизнь на Земле, она бы так не злилась. Но не может Зевс рассказать ей об этом, потому что поклялся страшной клятвой сохранить тайну. Никто не должен знать о великом предназначении Геракла. Иначе — всеобщая гибель и конец Древней Греции...

И вот стал маленький Геракл расти. Быстро рос. Не по дням, а по часам. Другие дети ещё пузыри пускают, а он уже ползает вовсю. Ификл только первые шаги делает, а Геракл уже оленей обгоняет. С самого раннего детства любил Геракл бороться, из лука стрелять и тяжёлых быков на плечах таскать. Долго ли, коротко ли, а вырос мальчик. Стал настоящим юношей, а потом и взрослым человеком, необыкновенно сильным, смелым и добрым богатырём.

И всё было бы хорошо, если бы не Гера. Злопамятная оказалась. И хитрая. Поняла, что с Гераклом просто так не справиться, и решила действовать хитростью и коварством. То она змей ему в колыбель посылала, а теперь стала на него гнев напускать. Да ещё какой! Так-то Геракл добрый, спокойный, а гнев на него

налетит — и нету никакой доброты, никакого спокойствия. Наоборот, сплошная злоба и ярость. Начинает тогда Геракл крушить всё подряд да ещё и убивать всех, кто под руку попадётся. Потом опомнится, да уже поздно. Амфору-то ещё склеить можно, а мёртвого попробуй оживи!

Вот раз на уроке музыки и пения учил его старый Лин игре на кифаре. Это такой музыкальный инструмент, довольно увесистый. Геракл, конечно, слушал учителя, но как-то невнимательно. Он вообще не любил играть на музыкальных инструментах. То ли дело из лука стрелять.

Вот сидит он на уроке и думает о предстоящем состязании в стрельбе из лука. Подходит учитель. Протягивает ученику кифару и говорит:

— Покажи, какую струну надо подцепить, чтобы получилась нота «ля».

А Геракл, конечно, ни бум-бум. Не тем его мысли были заняты.

— Ах ты так! — вскричал благородный старец. — Совсем не уважаешь моего предмета?! Музыку не уважаешь?! — И как ударит Геракла линейкой по голове.

В другой раз Геракл, может, и не заметил бы этого удара. Голова у него была крепкая, а рука у Лина дряхлая. Честно говоря, Геракл даже и не почувствовал ничего. Но появляется не видимая смертными Гера, напускает гнев на героя — и что же? Разгневался герой, возмутился, рассвирепел! А в голове мысли заметались:

— Ударил?!?!? Меня?!?!? Геракла?!?!?! По голове?! Да я! Да я!..

Совсем потерял разум богатырь, хватает тяжеленную кифару и бьёт ею старика Лина, опять же по голове. Лин, конечно, сразу скончался. А ведь был он великим музыкантом, братом незабвенного Орфея.

Но был случай и похуже. Это когда уже Геракл женился и родились у него дети. У Ификла тоже родились. И всё было замечательно. Жили они тогда в Семивратных Фивах. Отдыхали часто на зелёной лужайке все вместе.

Вот раз у одного из сыновей Ификла, по имени Иолай, заболел живот. И пошли они с отцом к врачу. А Геракл остался на лужайке вместе со своими детьми и детьми Ификла. В это самое время опять наслала Гера на него ужасную болезнь. Овладел Гераклом великий гнев, и убил он всех детей — и своих, и брата.

Опомнился, смотрит с ужасом вокруг. Неужели это сделал он? Своими собственными руками? Ну а кто же ещё? Он, конечно, больше некому. Как же теперь дальше жить? Стоит Геракл, ждёт, что боги скажут.

А боги на Олимпе возмущаются.

— Наказать нужно этого Геракла, — говорят. — Он хоть и сын Зевса, но всё-таки не бог, а смертный человек. Нельзя ему человеческие законы нарушать.

А сам Зевс больше других сокрушается. Не может он никому из богов рассказать о великом предназначении своего сына, да и сам уже сомневается. Геракл столько плохих и ужасных поступков совершил,

вряд ли сможет теперь он помочь богам в великой будущей битве с гигантами.

С тяжёлым сердцем отправился Зевс к пифии-прорицательнице.

— Что делать? — спрашивает. — Неужели нам, олимпийским богам и всему человечеству, уже никто не поможет и ужасные гиганты завладеют Древней Грецией и остальным цивилизованным миром?

Подняла пифия седую голову и говорит:

— Да, олимпийцы, незавидное у вас положение. И всё-таки осталась ещё одна, последняя надежда.

— На кого? — спрашивает Зевс.

— На Геракла! — отвечает пифия. — Только надо ему очиститься от своих преступлений и злодейств.

— Может, его ливнем окатить и молнией ударить несильно? Это я могу устроить.

— Дождик тут не поможет! — покачала головой пифия. — И молнии одной маловато будет. Геракл должен до-о-олго страдать, до-о-олго терпеть всяческие унижения. Отдайте-ка его в рабство царю Эврисфею.

— Моего любимого сына в рабство отдать?! Да ещё этому Эврисфею, трусливому и подлому?!?! — возмущается Зевс.

— Не понимаешь ты глубокого смысла! — медленно поднимает вечная пифия свой указательный палец. — Это хорошо, что царь такой подлый и ничтожный, — Гераклу будет вдвойне обидно. А чем обиднее, тем лучше для очищения.

— И это всё? — тихо спрашивает уже смирившийся царь всех богов.

— Нет, не всё! — строго хмурится пифия. — Скажи-ка мне, сколько Геракл совершил ужасных проступков?

— Примерно двенадцать.

— Ну тогда должен он по приказу Эврисфея совершить двенадцать Великих подвигов. Совершит — считай, вам, богам, повезло. Будет он готов сразиться

с гигантами. А если хоть с одним подвигом оплошает, то и вам не поможет. Но только имей в виду, подвиги эти должны быть по-настоящему Великие. Такие, чтобы кроме Геракла их никто больше не мог совершить, ни один человек на свете.

— Я буду помогать ему! — бьёт себя в божественную грудь великий Зевс.

— Ни в коем случае! — качает головой вечная старуха. — Если сможешь, то подвиг ему не засчитается. Все поединки должны быть честными. Если враг один, то и Геракл тоже пусть один будет. И чтоб никакого вмешательства высших сил!

Немедленно позвал Зевс своего сына, бога Аполлона, и поручил ему передать Эврисфею волю богов.

Явился Аполлон и Эврисфею.

— С сегодняшнего дня, — говорит, — Геракл — твой раб. Должен ты подыскивать ему задания потрудней и поручения самые опасные. А всего тяжелейших испытаний должно быть двенадцать.

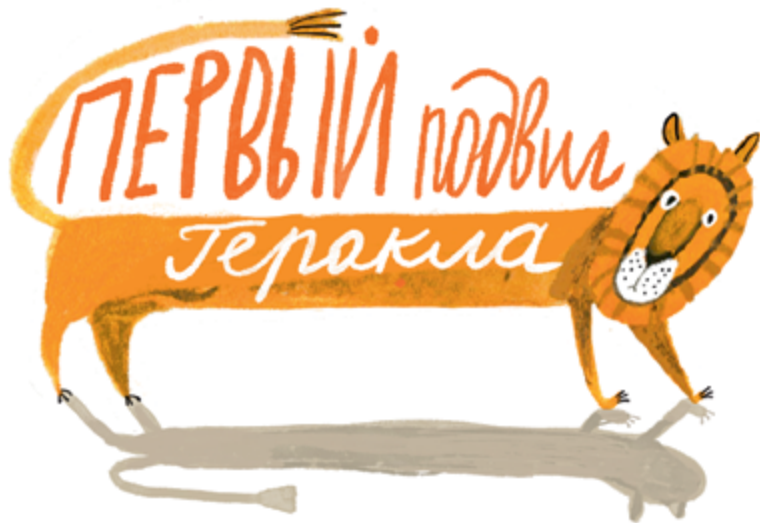
Обрадовался Эврисфей. Был он хилый и очень завидовал Гераклу: «Ну, — думает, — теперь я отыграюсь!»

— Пусть боги не беспокоятся, — ответил он Аполлону. — Уж я постараюсь, такие задания придумаю,

Геркл ни за что не справится. Сядет в лужу, и мне
будет очень приятно.

Вот так Геркл и стал рабом царя Микен Эврисфея.

Первое испытание для Геракла Эврисфей подыскивал с особым старанием. И наконец нашёл подходящее. Приказал он Гераклу убить Немейского льва. Этот лев был чудовищно большим, злым, к тому же он был людоедом. Жил Немейский лев в окрестностях города Неми, и все эти окрестности он полностью опустошил. Поел там всё живое. А кого не съел, те убежали.

Вот такого ужасного льва должен был убить Геракл.

Эврисфей, конечно, надеялся, что лев сам съест Геракла, и ждал приятных сообщений с поля боя. От специальных гонцов — стремительных вестников,

которые должны были сообщать ему обо всех перипетиях и подробностях.

А Зевс у себя на Олимпе болел за Геракла. Очень переживал. Ведь Немейский лев действительно считался непобедимым.

Геракл тем временем приходит в окрестности немейские и слышит ужасающее рычание. Это рычание было настолько ужасным, что многие люди умирали на месте, только услышав его. Самые же смелые падали и теряли сознание. А что же Геракл? Упал? Потерял сознание? Умер?.. Нет, спокойно идёт дальше.

— Пока всё нормально! — одобрительно кивает великий Зевс, глядя на землю с Олимпа.

Но вот показался и сам Немейский лев. Хватается бог за сердце. Он, конечно, знал, что лев огромный, но что такой огромный, не знал.

А Эврисфей тем временем допрашивает гонца:

— Съел уже?

— Нет, — отвечает гонец. — Ещё только приближается, но пасть уже открыл.

— А зубы у него достаточно большие? — волнуется заинтересованный царь.

— Больше чем достаточно! — успокаивает его гонец.

— А когти крепкие?

— Сейчас узнаем, — хихикает верный слуга.

Между тем расстояние от льва до Геракла стремительно сокращается. Это лев несётся на героя с огромной скоростью. А Геракл стоит, держит на плече большущую палицу и спокойно смотрит на приближающуюся львиную пасть с большими зубами...

— Лев прыгнул! — докладывает Эврисфею только что примчавшийся вестник.

— С какого расстояния? — интересуется взволнованный царь.

— Ровно десять с половиной метров.

— Так-так... А когти он не забыл выпустить?

— Когти выпущены. Лев приближается к Гераклу в свободном полёте. Между ними уже девять метров, — сообщает следующий примчавшийся вестник.

— Прекрасно, прекрасно! — потирает руки царь. — А что же Геракл?

— Стоит и не шелохнётся.

— Испугался! — радуется Эврисфей. — А говорили, бесстрашный, бесстрашный! Сколько там осталось?

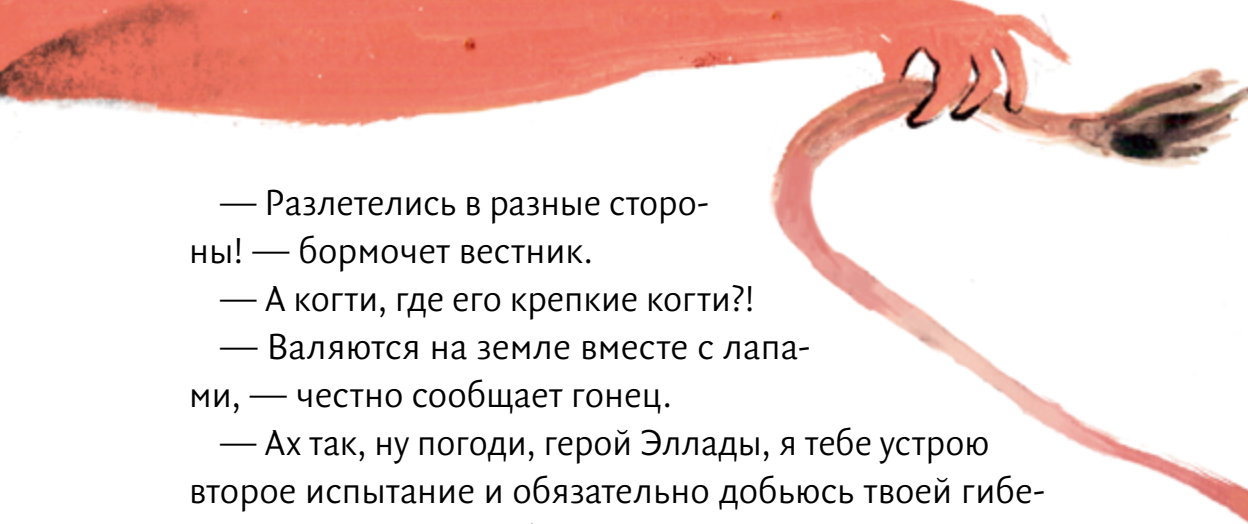
— Семь метров! — докладывает очередной запыхавшийся гонец.

— Шесть, — сообщает следующий запыхавшийся...

ХРЯСЬ

— Разлетелись в разные стороны! — бормочет вестник.

— А когти, где его крепкие когти?!

— Валяются на земле вместе с лапами, — честно сообщает гонец.

— Ах так, ну погоди, герой Эллады, я тебе устрою второе испытание и обязательно добьюсь твоей гибели! — кричит Эврисфей и, погрозив кому-то наверху кулаком, убегает.

Вот примерно так Геракл совершил свой первый великий подвиг. Впереди было ещё одиннадцать.